

Щеглова Ольга Алексеевна

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

У истоков: антропоморфные и зооморфные образы раннеславянской металлопластики и их происхождение

Основным источником для реконструкции материального и духовного мира раннеславянских культур, появление которых на исторической сцене относится к заключительному этапу Великого переселения народов, служат археологические данные. Исследователи отмечают почти полное отсутствие в материалах раннеславянских археологических памятников третьей четверти I тыс. н. э. предметов декоративно-прикладного искусства, как собственных, так и импортных. Долгое время уникальным в этом отношении был Мартыновский клад, найденный в Среднем Поднепровье в начале XX в. Знаменитые «мартыновские чело-вечки» и «кони» интерпретировались как достаточно реалистические изображения людей и животных — героев эпоса или языческих божеств (Б. А. Рыбаков, В. М. Василенко, Н. Чаусидис) или как участников ристалищ (Г. Ф. Корзухина).

Сегодня количество известных литых плоских металлических фигурок мартыновского типа и шаблонов для их изготовления многократно увеличилось. Они распространялись по всей периферии Византийской империи VII в. н. э., включая Балканы, Среднее Подунавье и Кавказ. Функции фигурок пока остаются неясными.

По аналогии с расположением антропоморфного и симметричных по отношению к нему зооморфных изображений на застежках-фибулах реконструируется композиция, которая может быть соотнесена с распространенным в раннесредневековом европейском прикладном искусстве сюжетом «Пророк Даниил во рву львином», а он в свою очередь восходит к восточнохристианским образцам. Композиция «Даниил со львами» была воспринята и в раннеславянском декоративно-прикладном искусстве независимо от ее понимания и интерпретации. Исходным для антропоморфных изображений был образ безбородого, стриженного в скобку воина-варвара в тунике, который широко представлен в византийских мозаиках, вышивках и художественном литье. Дополнительно свидетельствуют об исходном византийском импульсе такие декоративные элементы, как гравированные пальмовые ветви, павлиньи и верблюжьи головки в оформлении антропозооморфных фибул.

Интересно отметить, что другие разновидности днепровских фибул — пальчатые и «птице-головые» — имеют и типологические, и стилистические прототипы среди синхронных германских: мотивы хищной птицы с загнутым клювом, головы дракона, спирали. Особенно показательно сопоставление развития типологических рядов фибул в Поднепровье и вестготской Испании: на самой восточной и самой западной окраинах восточногерманского мира процессы формообразования проходят конвергентно, образуя схожие типологические ряды.

Olga Shcheglova

Saint Petersburg State University, Russia

AT THE ROOT: ANTHROPOMORPHIC AND ZOOMORPHIC IMAGES OF EARLY SLAVIC METAL PLASTIC AND THEIR ORIGIN

The main source for the reconstruction of the material and the spiritual world of early Slavic cultures, whose appearance on the hystorical scene relates to the final stage of the Great Migration is archaeological evidence. Researchers note almost complete lack of pieces of applied art, both their own and imported, in the early Slavic archaeological materials of the third quarter of the Ist millennium AD. For a long time Martynovsky treasure found in the Middle Dnieper in the early 20th century was unique in this respect. Famous “Martynovka men” and “horses” were interpreted as a fairly realistic images of people and animals — the heroes of the epic and pagan deities (B. A. Rybakov, V. N. Vasilenko, N. Chausidis) or as participants in stadia (G. F. Korzoukhina).

Today the number of known casting flat metal figures of Martynovka type and templates greatly increased. They are distributed over the entire periphery of the Byzantine Empire including the Balkans, the Caucasus and the Middle Danube in the 7th century AD.

By analogy based on the location of anthropomorphic and symmetrical zoomorphic images on fibulas the composition is reconstructed. It can be related to common in early medieval European arts and crafts plot "The prophet Daniel in the lion's den", which in turn goes back to the Eastern Christian models.

Composition "Daniel with lions" was perceived in early Slavic arts and crafts, regardless of its understanding and interpretation. The source for the anthropomorphic image was the image of a beardless barbarian warrior dressed in tunic, which is widely represented in Byzantine mosaics, embroideries and casting. Additionally, evidences of the original Byzantine impulse are decorative elements such as etched palm branches, peacock and the camel head in the design of antropozoomorphic brooches.

It is interesting to note that other types of the Dnieper fibulas have both typological and stylistic prototypes among the synchronous German examples: motives of the bird with a curved beak, a dragon's head, spirals. Especially revealing is the comparison of the typological series of brooches in the Dnieper region and Visigothic Spain: the processes of formation are convergent, forming similar typological series in the most eastern and the most western outskirts of the East German world.

Попова Елена Александровна

Научная библиотека Российской Академии художеств, Россия

Учение исихазма и его влияние на стиль монументальной живописи конца XIV века из храмов Довмонтова города во Пскове. Проблема света

Строгая и ясная система живописного убранства восточнохристианского храма позволяет ему в полной мере воплощать модель мира Божьего. Модель мира есть выражение миропонимания общества, идейно-ценностная составляющая которого была сформирована в Византии в XIV веке в результате философско-богословских споров, что естественно нашло отражение в искусстве эпохи.

В нашем докладе речь пойдет о влиянии учения исихазма на стиль фресок из храмов Довмонтова города во Пскове конца XIV века. В частности нас будет интересовать, как мастерами решалась проблема света при создании стенописей.

Понимание феномена Фаворского света являлось одним из главных вопросов исихастских споров XIV в. Утверждение возможности посредством «умного делания» узреть Свет Горнего стало философско-эстетической основой Палеологовского Возрождения, идейная база которого хотя и отличается от характерной для западноевропейского Ренессанса, но обладает той же гуманистической направленностью. В этот период культура и искусство приобретают более личностную, эмоциональную окраску.

В XIV в. идеи исихазма получили широкое распространение в православном мире, в том числе и в Древней Руси. Наиболее ярко, конечно, они воплотились в экспрессивных образах святых Феофана Грека из Спасо-Преображенской церкви на Ильине улице в Новгороде (1378 г.).

Росписи храмов Довмонтова города были созданы позднее, и идейно-смысловое значение «световых акцентов» в них иное. Г. С. Колпакова относит эти памятники, наряду с фресками церкви Феодора Стратилата на Ручью, к так называемому «псевдоэкспрессивному» направлению. По замечанию исследователя, фигуры святых из церкви Феодора Стратилата являют уже «трансформированную, „переплавленную“ телесную оболочку» (Колпакова Г. С. Фрески церкви Феодора Стратилата в Новгороде. Место памятника в палеологовском искусстве XIV века // Древнерусское искусство: Балканы, Русь. СПб., 1995. С. 330).

В храме № 9 Довмонтова города ситуация иная. Свет, переданный частыми пробелами, не растворяет телесную оболочку, а наглядно отображает внутреннюю духовную жизнь (особенно в этом смысле выразительны образы святых мучениц). Тем самым образы на псковских